

ЗВЕРЕВА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА

sgzvereva@yandex.ru

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания

125009, г. Москва,
Козицкий переулок, д. 5

SVETLANA G. ZVEREVA

sgzvereva@yandex.ru

Ph. D., Senior Research Fellow of the State Institute for Art Studies

5, Kozitsky Ln.
125009 Moscow
Russia

АННОТАЦИЯ

Музыка Православной Церкви в СССР и в русском зарубежье в двадцатые и тридцатые годы

Статья посвящена истории русской православной духовной музыки в СССР и в русском зарубежье в 1920–1930-х годах. В ней уделяется внимание истории хоров и исполнению духовной музыки на богослужениях и в концертах, судьбам духовных композиторов и их творчеству. Ставится вопрос об истории в СССР и русском зарубежье Нового направления — передового творческого течения, возникшего в императорской России в конце XIX века. Обсуждаются новые тенденции в развитии духовной музыки, связанные с образованием национальных Православных Церквей за пределами СССР. Источники демонстрируют большое значение религиозной музыки в духовной жизни православного общества в периоды социально-политических и военных потрясений, а также верность этому виду искусства со стороны тех, кто стремился сохранить национальные традиции и идентичность. Материалы показывают преемственную связь между диаспорами и митрополией: русские музыканты за рубежом сыграли большую роль в развитии религиозного искусства в 1930-е годы, когда в СССР оно было практически остановлено. Возрождение духовной музыки, которое началось в России с конца 1980-х годов, вряд ли было бы столь триумфальным, если бы не вклад музыкантов русского зарубежья, а также стойкость и верность своему делу их коллег в Советском Союзе.

Ключевые слова: 1920–1930-е годы, СССР, Русская Православная Церковь, русское зарубежье, история Церкви, духовная жизнь, хоровое искусство, духовная музыка

ABSTRACT

Sacred Music in the USSR and the Russia Abroad in the 1920s and 1930s

The article concerns the history of Russian Orthodox sacred music in the 1920s and 30s in the USSR and the Russia Abroad. Attention is paid to the history of choirs and the performance of sacred music at church services and concerts, and the destinies of composers of sacred music and their work. The history in the USSR and the Russia Abroad of the New Direction — the leading creative current arising in Imperial Russia in the late 19th century — is discussed. New trends in the development of sacred music arising from the formation of national Orthodox churches outside the USSR are outlined.

Sources demonstrate the great significance of religious music in the spiritual life of Orthodox society in periods of social and political turmoil and in wartime, as well as fidelity to this form of art on the part of those who strove to preserve national traditions and identity. Materials show the line of succession running through the diasporas and the mother country: Russian musicians abroad made a big contribution to the development of religious art in the 1930s, when in the USSR it came practically to a standstill. The revival of church music which began in Russia in the late 1980s would scarcely have been so triumphal had it not been for the contribution of musicians from the Russia Abroad to the common concern as well as for the tenacity and loyalty to the cause of their colleagues in the Soviet Union.

Keywords: 1920s–1930s, USSR, Russian Orthodox Church, Russia Abroad, church history, religious life, the art of choral music, sacred music

Светлана Зверева

МУЗЫКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР И В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ В ДВАДЦАТЫЕ И ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Столетний юбилей Октябрьской революции в России подталкивает к осмыслению последствий этого события в отечественной музыкальной истории. Не будет, вероятно, ошибкой предположить, что в результате революции более всего пострадала духовная музыка, которая в последние десятилетия существования Российской Империи переживала яркий расцвет. Композиторское творчество в этой сфере на рубеже веков достигло новых художественных высот и обогатилось новыми идеями в области форм и музыкального языка. Лучшие церковные хоровые школы стояли на пороге преобразования в высшие учебные заведения, в зените мастерства находились многие церковные хоры, разрасталось хоровое профессиональное движение.

После Октябрьской революции слагавшаяся веками «симфония» светской и церковной власти была уничтожена, и взаимодействие государства и Церкви приняло резко конфронтационный характер. Какие бы законы и постановления в отношении религии ни принимались советской властью, в их основе лежала установка, что Церковь является очагом контрреволюции, а ее приверженцы — внутренними врагами нового строя.

Отправной точкой борьбы государства с религией стал декрет советского правительства от 20 января (2 февраля) 1918 года «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [10, 373–374]. Он не только содержал положения о свободном исповедании религий, но и запрещал церковным организациям владеть собственностью, лишал их прав юридических лиц и отчуждал церковное имущество в пользу государства. Содержались в декрете и пункты об отделении Церкви от государства и школы от Церкви.

Поместный собор Православной Российской Церкви, проходивший в Москве с 15 августа 1917 года и восстановивший в России после почти двухсотлетнего перерыва патриаршество, счел декрет злостным

покушением на строй церковной жизни. Всем, кто ему следовал или его распространял, грозила строгая епитимья, вплоть до отлучения от Церкви [34, 96–97]. Финансово-юридическое удушение Русской Православной Церкви и состоявших при ней учреждений, выведение их из правового поля, безнаказанный террор — все это имело катастрофические последствия, в том числе и для музыкального искусства. Разграблению и уничтожению подверглись церковно-музыкальные библиотеки и архивохранилища, были национализированы церковно-певческие учебные заведения, например регентские классы Придворной певческой капеллы и Синодальное училище церковного пения, ставшие светскими учебными заведениями.

В ситуации разгоравшегося революционного террора в сентябре 1918 года преждевременно закрылся Всероссийский Поместный собор. Среди документов, которые Собор не успел рассмотреть и утвердить на общем собрании, оказался доклад «Об упорядочении церковного пения». Этот документ являлся итогом длительных дискуссий членов соборного Подотдела о церковном пении и содержал обширную программу развития церковно-певческого дела, в том числе план «подъема уровня музыкально-певческого образования страны». В докладе были отражены резолюции шести всероссийских съездов хоровых деятелей, проходивших в период с 1908 по 1917 год. Документ был воскрешен из забвения лишь в наши дни [26].

Вместе с тем многие педагогические наработки в области церковной и светской хоровой музыки предреволюционного времени после 1917 года все же получили ход. Примером того, как старые материалы изменялись на новый лад, могут служить программы Синодального училища по методике церковного хорового пения, составленные его директором А. Д. Кастальским. В советское время, когда с 1918 года Кастальский стал руководить московской Народной хоровой академией, а с 1923 года преподавать в Московской консерватории, он неоднократно использовал их в педагогической работе [19].

Приспосабливаться к новой реальности пришлось также церковным регентам, певцам и хорам. Интенсивную концертную деятельность с 1918 года начала вести бывшая Придворная певческая капелла под управлением М. Е. Климова, поначалу переименованная в хор Народной хоровой академии. В конце того же года в Петрограде начались концерты хора под управлением А. А. Архангельского, получившего название Коммунальный хор. В Москве в январе 1919 года вновь начал выступать церковный хор под управлением И. И. Юхова, ставший Первым государственным хором¹. Был образован и Второй государственный хор под управлением известного регента П. Г. Чеснокова. В мае того же года был создан Государственный объединенный хор. Его академической группой, состоявшей из 34 человек, руководил бывший регент Московского Синодального хора

¹ В 1925 году Первый государственный хор был переименован в хор им. М. И. Глинки; в 1942 году на его основе возникла Республиканская русская хоровая капелла (ныне Государственная академическая хоровая капелла России им. А. А. Юрлова).

Н. М. Данилин, при ней же состояли регенты-«синодалы» Н. С. Голованов и В. П. Степанов [28, 285]. Две другие группы этого хора возглавляли регенты Чесноков и Юхов. В ноябре того же года МУЗО Наркомпроса оставил в хоре лишь группу Юхова. Некоторые регенты — П. Г. Чесноков, Н. М. Данилин, А. В. Александров и другие — еще продолжали руководить хорами в церквах. По церковным и государственным хорам разбрелись не только регенты, но и певчие знаменитого Синодального хора, который в 1918 году был распущен. По преданию, его участники не захотели исполнять политизированный репертуар.

С 1919 года, в условиях голода и лишений, когда во многих, часто не топлённых и неосвященных храмах почти не осталось прихожан, начала набирать силу практика богослужений, в которых особый акцент ставился на хоровое и дьяконское искусство. В начале двадцатых годов, когда в стране начался новый виток террора в отношении Церкви (он был связан с кампанией по изъятию церковных ценностей), храмы вновь стали наполняться молящимися. Богослужения даже в приходских церквах в Москве нередко совершались архиерейским чином: город был переполнен духовенством, оставившим свои кафедры, монастыри и приходы в связи с революционными и военными событиями.

В годы НЭПа в церквах начала процветать практика коммерческих духовных концертов, средства от которых направлялись для поддержания жизни не только самих хористов и причта церквей, но и оставшегося без мест духовенства. В их числе были также причетники закрывшихся в 1918 году храмов Московского Кремля. Хорошие хоры были не редкостью как в крупных городах, так и в селах. Велик был и выбор хористов — в голодные годы пение на клиросе кормило как профессиональных церковных певчих, так и ставших певчими аристократов и людей из купеческого сословия.

Звучавший в двадцатые годы в церквах репертуар был «на все вкусы». Именно тогда стала процветать эффектная духовная музыка с солистами — чаще всего с басами-дьяконами. В то же время на службах и в духовных концертах продолжала исполняться и классическая духовная музыка авторов Нового направления. Так, в декабре 1922 года в Казани на духовном концерте в церкви прозвучала Всенощная Рахманинова под управлением И. С. Морева, о чем было сообщено автору, находившемуся в США [31, 443]. 24 декабря 1922 года в Москве, в Храме Христа Спасителя хор Большого театра под управлением Н. М. Данилина дал концерт из сочинений Рахманинова и Кастальского.

В двадцатые годы духовная музыка продолжала звучать не только в церквах, но иногда и в концертных залах. Например, 25 марта 1923 года в Большом зале Московской консерватории хор под управлением К. С. Алексева исполнил духовные сочинения Рахманинова и Кастальского. В качестве солиста в концерте принял участие Великий архиерей Константин Розов [33, 66].

Ил. 1. Хор под управлением К. С. Алексеева.
В центре: архидиакон К. В. Розов и А. Д. Кастальский (в белом пиджаке).
Москва, Большой зал консерватории. 25 марта 1923 года²

12 и 14 февраля 1926 года Государственная академическая хоровая капелла под управлением П. Г. Чеснокова с большим триумфом исполнила в Большом зале Московской консерватории Всенощную Рахманинова. Однако в январе 1927 года этот хор, в котором пело много церковных певчих, был полностью «обновлен» властями [6].

До конца 1920-х годов не останавливался и поток духовной музыки. Среди ее авторов известные музыканты — А. Д. Кастальский, А. Т. Гречанинов, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, С. М. Ляпунов, А. А. Оленин, М. О. Штейнберг и др. Большинство композиторов Нового направления продолжали писать музыку, рассчитанную на технически продвинутые хоры. К таким сочинениям относятся, например, «Страстная седмица» М. О. Штейнберга, Литургия св. Иоанна Златоуста №2 А. В. Никольского, практически вся духовная музыка Н. С. Голованова. Однако в целом была налицо тенденция к снижению исполнительской сложности.

Небогослужебная духовная музыка в СССР в это время не создавалась — по крайней мере, такие примеры нам неизвестны. По-видимому, была остановлена именно эта линия Нового направления, которая на долгие

² Иллюстрация взята из издания: РДМ. Т. V: Александр Кастальский. Статьи, материалы, воспоминания, переписка / ред.-сост., автор вступ. статьи и коммент. С. Г. Зверева. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Ил. 2. Настоятель храма преподобного Пимена Великого (Св. Живоначальной Троицы) в Новых Воротниках о. Николай Бажанов с клириками храма, хором и его руководителем, монахом Пименом, будущим Патриархом Московским и всея Руси. Москва, 3 июня 1928 года. День Святой Троицы и Владимирской иконы Божией Матери, престольный праздник храма³

десятилетия прекратила свое существование. В то же время музыка для Православной Церкви (и строго клиросная, и предполагающая возможность концертного исполнения) создавалась и исполнялась.

Сочинение церковной музыки до конца 1920-х годов продолжало оставаться для авторов статьей скромного дохода. Они могли получить вознаграждение в случае продажи композиций церковным хорам в России или публикации их за границей. Вплоть до 1930 года мизерный гонорар за исполнение в церквях духовных композиций причитался от организации по защите авторских прав под названием Драмсоюз⁴.

В архиве этой организации в РГАЛИ содержатся уникальные сведения о том, с какой частотой исполнялись на службах произведения разных

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hram-pimena.ru/hist-okr/prilog1.html>.

⁴ Драмсоюз — организация, ставившая целью защиту юридических и материальных прав русских драматургов и композиторов. Была создана в 1870 году в Москве; первый председатель — А. Н. Островский. Первоначально называлась «Общество драматических писателей и оперных композиторов». После Октябрьской революции эта организация была преобразована в Московское общество драматических писателей (МОДПИК) и в Ленинградское общество драматических писателей и композиторов. В 1925 году эти две организации были объединены во Всероссийское общество драматических писателей и композиторов, вскоре переименованное в Союз драматических и музыкальных писателей. Организация была ликвидирована в 1930 году.

авторов. Подобные статистические выкладки были составлены на основе анкетных опросов, проводившихся в церквях. Они показывают, что самым популярным композитором в то время был А. А. Архангельский, музыка которого исполнялась в 665 церквях 9356 раз. Вслед за Архангельским (если судить по числу исполнений) расположились: П. Г. Чесноков (446/5221), А. Д. Кастальский (507/3290), П. И. Чайковский (535/3035), А. Т. Гречанинов (438/2010), М. М. Ипполитов-Иванов (514/1821), Д. В. Аллеманов (558/1759), Ф. В. Мясников (558/1604), С. А. Богословский (417/1502), Г. И. Рютов (410/1482), Г. Ф. Львовский (328/1421), А. В. Никольский (345/1388), Е. С. Азеев (422/1340), Г. М. Давидовский (413/1241), В. А. Фатеев (491/1987), В. Н. Зиновьев (410/1099), С. В. Смоленский (476/1098), Ф. Е. Степанов (362/973), В. Г. Самсоненко (355/968), Н. И. Соколов (473/873), С. В. Панченко (466/828), С. В. Рахманинов (232/803), Н. А. Римский-Корсаков (401/801) и т. д. [32, 38–40]. Разумеется, этот «рейтинг» весьма условен, и место композитора в нем далеко не всегда определялось качеством музыки. Тем не менее, он дает общую картину музыкальных пристрастий регентов и духовенства в этот период русской истории.

Ноты духовных композиций, как и духовно-музыкальные архивы новейшего времени, в государственные архивохранилища и библиотеки не принимались — они либо оставались в семьях владельцев, либо отдавались в церкви. В результате советский период истории русской духовной музыки представлен первоисточниками крайне слабо. В российских архивохранилищах отсутствуют личные фонды большинства крупных хоровых композиторов и регентов, в том числе А. А. Архангельского, С. В. Панченко, Вик. С. Калиникова, П. Н. и Н. Н. Толстяковых, Н. М. Данилина и многих других. Нужно отметить, что об огромных пробелах в источниковой базе двадцатых-сороковых годов говорят и историки Церкви [18, 120].

* * *

Утвержденный 24 января 1929 года указ ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» «углубил» положения декрета 1918 года «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и приравнял борьбу с религией к классово-политической борьбе. Указ разъяснял, что «религиозные организации <...> являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы» [8, 85–86]. Соответственно, были устроены и наказания арестованных и осужденных причетников и близких к Церкви мирян.

Заметно более агрессивным с конца двадцатых годов становится отношение власти к церковно-певческому искусству. Известно, что в этом году на духовных композиторов и церковных регентов, трудившихся также на светской работе, началось давление со стороны ОГПУ. В 1928 году, по всей видимости, в результате угроз, прекратили свою службу в Церкви Данилин, Чесноков и Юхов. В конце двадцатых «замолчал» духовный композитор А. В. Никольский, который через несколько лет писал:

С меня однажды было взято письменное обязательство не распространять своих культовых сочинений. Это обязательство я честно и строго выполняю. Шутить с огнем, разумеется, не пристало. Я и не шучу [25, 227–228].

Известно, что в 1930 году был прекращен сбор авторского гонорара в церквах в пользу членов Драмсоюза, а вскоре прекратила существование и сама организация. Перестала звучать и духовная музыка вне храмов. Например, в начале 1928 года после смерти А. Д. Кастальского его друга В. В. Держановский и Б. В. Асафьев пытались получить в Главреперткоме разрешение на включение в концерт памяти композитора его духовных композиций, однако потерпели неудачу [11].

В конце двадцатых годов перестали блистать в церквах и знаменитые протодьяконы-певцы. Через тюрьмы и ссылки прошли М. К. Холмогоров, С. П. Туриков и многие другие; в 1930 году ушел из церкви в оперную труппу Радиокомитета протодьякон М. К. Михайлов, в том же году был расстрелян протодьякон М. П. Лебедев. Автор статьи о Лебедеве С. И. Бирюков пишет, что протодьякон Михайлов был не единственным, кому предлагалось уйти из церкви, и приводит пример священника С. Г. Гарькавцева (Гаркавцева) [4]. Обладатель отличных вокальных данных, тот был поставлен перед выбором — тюрьма, ссылка или оперная карьера. Судя по тому, что отец Симеон был отправлен в ссылку, от служения он так и не отказался.

Хоровые спевки могли быть расценены как тайные антисоветские собрания. Так, 27 октября 1930 года были арестованы многие участники хора церкви Вознесения во Владимире под управлением происходившего из купеческого сословия регента И. И. Платонова [там же].

Как вспоминал иеромонах Даниил (Сарычев), ставший регентом в Москве в 1929 году,

В 30-е годы, когда начались концлагеря, настали страшные времена. Власти начали вырубать все церковное под корень. Вот придет молодой человек в храм, прочитает «Святой Боже» — за ним уже идут по пятам. Потом его вызывают или приезжают за ним: либо вышлют, либо такого страха нагонят, что человек боится в храм зайти. В 37-м году в храме уже боялись и служить, и читать, и Богу молиться [9].

Следивший за газетной информацией и заносивший впечатления в Дневник И. И. Шитц в январе 1930 года писал:

Отовсюду телеграфируют о дружных постановлениях закрыть церкви, снять колокола, сжигать иконы и т. д. <...> Ныне обрушиваются, например, на старый русский алфавит и готовы заменить его латинским, доказывая, что русский алфавит подлежит *уничтожению*, ибо им пользовался старый порядок для внедрения религии и т. д. (курсив оригинала; [40, 163–164]).

В декабре 1930 года тот же автор записал:

Из школьной жизни никаких сведений об успехах <...>, зато сплошные анекдоты, наводящие, однако, на грустные размышления. С девятилетними

детьми читают о саранче, сусликах и других вредителях. По окончании чтения учительница спрашивает: «Ну, ребята, так кто же наши главные вредители?» — «Поп и кулак!», — хором отвечают дети [там же, 264].

Новый виток антирелигиозной кампании был связан с начавшейся коллективизацией сельского хозяйства, с раскулачиванием и высылкой зажиточного крестьянства. В сельской местности продолжали действовать многие церкви и монастыри, в крестьянстве сохранялся старый дореволюционный уклад. Против этого слоя населения и была в первую очередь направлена новая волна борьбы с религией, продолжавшаяся с 1929 по 1933 год и затронувшая, разумеется, в полной мере и города. За этот период было арестовано около сорока тысяч церковно- и священнослужителей и закрыты сотни храмов и монастырей [8, 89].

Ил. 3. Н. Б. Терпсихоров. Враги коллективизации. 1931 год⁵

* * *

На удущение Церкви и ее искусства была брошена и антирелигиозная пропаганда, до конца двадцатых годов относительно «невинная» в сравнении с тем, какой она стала в тридцатые годы. Поначалу кампании проводились эпизодически и были направлены главным образом против церковных праздников. Более организованный и централизованный характер они приняли после официального оформления в 1925 году Союза безбожников. Целям антирелигиозной пропаганды служили выставки и лекции,

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://kykolnik.livejournal.com/1095414.html>.

пародии на церковные празднования и крестные ходы при участии молодежи, специальные периодические издания и даже ноты. Некоторые авторы музыкальных сочинений, в которых высмеивалась Церковь, сами вышли из церковной среды (например, обучавшийся в Синодальном училище церковного пения Д. С. Васильев-Буглай), а потому их карикатуры были особо хлесткими.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
 1 ПОП САВЕЛИЙ - 1 Тенор.
 2 ДЬЯЧЕК ИЛЬЯ - 2 Тенор.
 3 ДЬЯКОН АГАФОН - Вас.
 4 ЧЕТЫРЕ КАНОНИКА - 2 Алтыя и 2 Баса.
 5. ХОР.

Церковная служба.

На слова ДЕМЬЯНА ВЕДНАГО. Д. ВАСИЛЬЕВ-БУГЛАЙ.

Широко.
без размера

Фисгармония *mf*

Умеренно.

Д. А. Т. Б.

Ф-Пяно. (по желанию) *p*

а поп Са - ве - лий пь - ня - ца ве - лий

*) Партию фисгармонии, если нет фисгармонии, исполняет хор закрытым ртом.
Г.М.Звездин и.м.

Ил. 4. Васильев-Буглай Д. С. Церковная служба. Музыкальная мозаика из напевов знаменного, киевского, афонского и обиходного: для смешан. хора и солистов (без сопровожд.) / На слова Демьяна Бедного. М.: Гос. изд-во., Музык. сектор, 1924

В 1930 году формы борьбы с религией стали более массовыми, жестокими и изошренными, а на место периодических кампаний пришла планомерная работа по искоренению религии, причем не только православия, но и других вероисповеданий. Не была обойдена вниманием и духовная музыка. В 1931 году свет увидела брошюра В. С. Виноградова под названием «Против церковщины в музыке», в которой «под огонь» попали такие композиторы, как А. В. Никольский, М. В. Анцев, М. И. Вериковский, Н. С. Голованов и Н. Н. Черепнин. Если последний автор уже давно проживал во Франции и мог быть спокоен за последствия такой публикации, то его коллеги оказались в уязвимом положении. Никольский был особенно смущен таким «вниманием», поскольку в том же 1931 году была сперва ликвидирована Этнографическая секция Государственного института музыкальной науки, которую он возглавлял, а затем и сам институт. Если фольклор в советской России поначалу рассматривался как одна из основ музыкального искусства, то в конце 1920-х годов подлинная народная песня подверглась нападкам, как пережиток прошлого⁶.

В конце двадцатых и в тридцатые годы в деле борьбы с преодолением «религиозных заблуждений» у населения стало более широко использоваться радио и кино, которые в тридцатые годы начинали проникать в «толщу» народной жизни. Выпускалась и соответствующая «методическая литература». В годы «безбожной пятилетки» (1932–37) к созданию искусства атеистического характера начали привлекаться серьезные художественные силы. В числе наиболее ярких образцов киноиндустрии подобного рода — фильм Я. А. Протазанова «Праздник святого Йоргена» (1930; 1935). В создании фильма приняли участие В. З. Швейцер (сценарий), И. А. Ильф и Евгений Петров (Е. П. Катаев) (текст интертитров), в главных ролях снялись И. В. Ильинский и А. П. Кторов. Музыка, пародирующая католическое церковное пение, была написана для звуковой версии фильма композитором, музыковедом и исследователем древнерусской литературы С. А. Бугославским.

В 1934–35 годах была снята антирелигиозная опера-мультифильм «Сказка о попе и работнике его Балде», музыку к которой написал Д. Д. Шостакович. Годом позже в виде сюиты она исполнялась в Ленинграде по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции⁷. В тридцатые годы исполнение в концертах не только богослужебной музыки, но даже музыки философско-религиозной было невозможным. Например, из репертуара

⁶ Приведем фрагмент речи Мамонина на собрании в Государственном институте музыкальной науки от 18 мая 1930 года, выступавшего по теме «чистки» этого учреждения. В адрес крестьянского хора М. Е. Пятницкого им было сказано: «Эта рухлядь теперь совершенно не нужна и даже вредна, вместе со своими нелепыми костюмами и лаптями (в наш-то век трактора и индустриализации!) и со своими дикими “свадебными обрядами”, о которых надо забыть как можно скорее» [39].

⁷ Сохранившийся фрагмент мультифильма можно увидеть в интернете: URL: https://www.youtube.com/watch?v=tMwPNDC_-7A.

Государственной академической капеллы в 1934 году была изъята за «церковные веяния» кантата С. И. Танеева «По прочтении псалма» [23, 31].

В тридцатые годы, когда в стране происходили масштабные преобразования экономики и социального уклада, программа по ликвидации Церкви повлекла за собой массовое закрытие сельских храмов, а перепланировка городов, особенно Москвы, — катастрофические потери архитектурных памятников, прежде всего религиозных. Вместе с тем к середине тридцатых Церковь все еще сохраняла половину своих приходов. В 1935 году по заданию ЦК ВКП(б) был составлен документ, подводивший итоги антирелигиозной кампании конца двадцатых — первой половины тридцатых годов, из которого следовало, что позиции Церкви были еще очень прочны, традиционная религиозность народа высока, а деятельность Союза безбожников — недостаточна.

Продолжала создаваться в тридцатые годы и духовная музыка. Ее авторами, в частности, были дирижер Большого театра Н. С. Голованов, ленинградский музыкант В. М. Иванов-Корсунский, служивший в Подмоскovie иерей Георгий Извеков.

Ил. 5. Крестный ход. Москва, храм Пимена Великого в Новых Воротниках. 1932⁸

⁸ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hram-pimena.ru/history/history1.html>.

Ил. 6. Священномученик Вениамин Благонадеждин и певчие храма села Чеково Владимирской области. 1930-е годы [34, 280]

Шокирующие для власти результаты дала перепись населения СССР, проводившаяся в начале 1937 года. Из проживавших в Советской России 98,4 млн человек от шестнадцати лет и старше назвали себя верующими 55,3 млн человек [8, 91–92]. 2 июля 1937 года Политбюро приняло решение о проведении в стране массовых политических репрессий, которые свирепствовали в 1937–1938 годах и в полной мере коснулись Церкви. О том, насколько силен был этот удар, говорят не только огромные цифры арестованных и расстрелянных церковно- и священнослужителей и воцерковленных мирян, но и то количество храмов, которые уцелели к концу 1930-х годов. Так, в 1938 году в стране уже не было ни одного монастыря, а в 1939 году на территории Советской России остались действующими лишь около 100 соборных и приходских православных храмов, которые поддерживались в основном пожилыми женщинами-прихожанками [34, 289].

Участник религиозной жизни тех лет С. С. Шукин на склоне лет писал:

Оглядываясь назад, вспоминаю годы советской жизни, как бы проникнутые этой двойственностью. Вокруг протекала внешняя, целиком подчиненная государству жизнь: выполнялись пятилетки, печать превозносила достижения советского строя, школы и университеты насаждали

безбожное материалистическое мировоззрение и т. д. Но параллельно шла невидимая для простого глаза духовная и культурная жизнь совершенно иного порядка (религиозная, идейная, научная, семейная), охватывавшая внутренний мир людей, не подчинявшихся власти государства. Эта глубинная, напряженная жизнь упорно сопротивлялась усилиям большевиков заглушить любое духовное движение, всякую свободу мысли. Такое сопротивление тоталитарному государству никогда не прекращалось и не могло быть остановлено, поскольку, в последнем счете, оно коренилось в «личных катакомбах», то есть, душах отдельных людей [41, 164–165].

В стране сформировалась не только «внутренняя эмиграция»⁹, но и «катакомбная церковь» [2]. Разумеется, в таких условиях развитие церковного музыкального искусства, в императорской России всемерно поддерживаемого, в том числе и на государственном уровне, было остановлено. Композиторское творчество стало уделом самых смелых и преданных Церкви, которые писали исключительно «в стол», а церковная музыка и слагавшийся в то время религиозный фольклор звучали лишь в немногих теплившихся духовных очагах.

* * *

С. С. Шукину было суждено пройти разные лагеря: 1934–1939 годы он провел в Ухтпечлаге НКВД и других лагерях, в 1943 году попал в лагерь для восточноевропейских рабочих на территории Германии, наконец, сразу после войны оказался в лагере для перемещенных лиц под Гамбургом, где и состоялось его поставление в священники. Отец Сергей столкнулся с массой бывших подсоветских людей, оказавшихся в годы войны на оккупированных территориях, а затем за границей; стал он и свидетелем встречи двух волн русской эмиграции — пореволюционной и послевоенной. Те бывшие советские люди, что примкнули к Церкви за границей, быстро «наверстывали» упущенное в годы советской власти. Пополнили они и зарубежные хоры, в том числе и отличными регентами (среди них М. С. Константинов, Е. И. Евец и другие). Православные диаспоры оказались заповедниками русской церковной жизни и церковно-певческого искусства, где его традиции были сохранены и преумножены.

В то время как в СССР в условиях притеснений и террора Церковь погружалась в тяжелейший кризис, в зарубежных диаспорах, где она находилась в условиях относительной свободы, шел обратный процесс. Разнонаправленный характер имели и векторы развития церковного искусства в СССР и в русском зарубежье. По воспоминаниям одного из наиболее влиятельных церковных иерархов русского зарубежья митрополита Евлогия (Георгиевского), в пореволюционных диаспорах уже в самом начале, «несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной» [12, 458].

⁹ В музыковедение определение «внутренняя эмиграция» было введено И. А. Барсовой в ее неопубликованной статье [1]. Приносим благодарность автору за возможность ознакомиться с ней.

Многие грани «личных катакомб» ставших лишними на своей родине людей и «вынужденных эмигрантов» за пределами СССР оказались схожими: они испытывали ностальгию по старой России и идеализировали былое, стремились сохранить историческую память и культивировали национальные традиции. Для тех и других религиозная жизнь имела особое значение, поскольку Церковь являлась для них воплощением старой России.

Связь между внутренней и внешней эмиграцией была не только духовной. Вплоть до начала Второй мировой войны диаспоры пополнялись легальными и нелегальными переселенцами, с том числе священнослужителями. Действовали в зарубежных странах и приходы Московского Патриархата, имевшие непосредственную связь с церковным центром — Москвой. До конца двадцатых годов из России можно было выписать церковные ноты и послать туда духовную литературу.

Говоря о связи между диаспорами и митрополией нужно иметь в виду, что после окончания Первой мировой войны за границами России оказались огромные территории, некогда принадлежавшие Российской Империи. Именно страны-лимитрофы (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша), а также другие граничившие с Россией государства (Румыния, Турция, Болгария, Китай) принимали первые потоки беженцев. Значительная часть русского населения в ряде этих стран являлась коренной или проживала там с дореволюционных времен. В поисках благоприятной социально-экономической и политической ситуации беженцы продвигались в страны так называемой вторичной эмиграции — Сербию, Чехословакию, Францию, Бельгию, Германию и другие.

Ил. 7. Хор (130 человек) Комитета II Всегосударственного слета русских хоров в Эстонии. Регент хора — инструктор Комитета А. В. Барсов. Печеры, Эстония. 1939 год¹⁰

¹⁰ Иллюстрация из Сборника II Всегосударственного слета русских хоров в Эстонии. 1–2 июля 1939 года / под ред. М. П. Шувалова, Н. Н. Пенькина, И. Ф. Соловьева. Петсери (Печеры), 1939.

Известно, что подавляющее большинство беженцев пореволюционной волны были русскими по национальности (95,2%) и православными по вероисповеданию [22, 200]. В русском зарубежье неоднократно предпринимались попытки создания единого политического центра, завершившиеся неудачами. Жизнеспособными оказались лишь крупные церковные юрисдикции, которые консолидировали беженцев в разных странах.

Русские православные диаспоры «первой волны» отличались относительной замкнутостью, а их члены сознательно или подсознательно противились ассимиляции, стремясь сохранить национальную веру, язык, художественные традиции, культурный и бытовой уклад. Их консолидация вокруг Церкви, поиск в религии духовной опоры и смысла существования вполне закономерны, если иметь в виду, что большинство из них, как и у себя на родине, по отношению к принимающей стране находились в положении «внутренней эмиграции». В таких условиях музыка для хора, главным образом духовная и народная, пользовалась большим спросом в диаспорах по всему миру, а хоровое пение стало самым популярным и массовым видом музицирования.

В первые пореволюционные годы условной столицей русского зарубежья считался Берлин. С началом в 1923 году экономического кризиса русские спешно покидали немецкую столицу, направляясь, как правило, в Париж, который вплоть до Второй мировой войны являлся признанным центром русского зарубежья. Именно с Парижем в двадцатые-тридцатые годы были связаны наиболее яркие события духовно-музыкального искусства. В многотомной «Хронике научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции во Франции» можно найти десятки имен музыкантов, которые руководили различного вида военными, светскими и церковными хорами: смешанными, мужскими, женскими, детскими, а также вокальными ансамблями. Кроме того, в двадцатые-тридцатые годы во французской столице, как и в других городах мира, выступали митрополичий хор Н. П. Афонского, квартет Н. Н. Кедрова, казачьи хоры С. А. Жарова, Н. Ф. Кострюкова, С. Д. Игнатьева и ряд других коллективов.

Граница между концертными и церковными хорами и ансамблями была условной. Первые включали в свой репертуар духовную музыку, нередко пели и в церквях, а вторые выступали в концертах и исполняли светскую музыку, чаще всего — народные песни.

История каждой из русских заграничных Церквей отражала историю церковной эмиграции, сопряженную с юрисдикционными коллизиями. Однако музыка за богослужением в различных крупных православных юрисдикциях в большинстве случаев была заимствована из старых нотных изданий. Впрочем, появлялись и новые, созданные за границей сочинения.

Заметные творческие результаты в области духовной музыки становятся очевидными уже во второй половине двадцатых годов и особенно явственно — в тридцатые годы. Залогом успеха во многом была деятельность находившихся за границей видных русских музыкантов, писавших там духовную

музыку, — А. К. Глазунова, И. Ф. Стравинского, Н. Н. Черепнина, А. Г. Чеснокова, А. Т. Гречанинова, Н. Н. Кедрова, К. Н. Шведова, а также вступивших на музыкальную стезю молодых эмигрантов — И. С. Лямина, Н. Н. Кедрова-младшего, М. Е. Ковалевского, иеромонаха Филиппа (Гарднера) и других.

Ил. 8. Хор Донских казаков под управлением Сергея Жарова в церкви. 1930–40-е годы¹¹

Определить точные объемы духовно-музыкального наследия композиторов русского зарубежья не представляется возможным, поскольку архивы живших за границей русских хоровых музыкантов дошли до наших дней с огромными лакунами. Нужно, однако, признать, что представление о качестве и относительном количестве написанного в эмиграции все же более адекватно в сравнении с представлением о духовно-музыкальном наследии советского периода — хотя бы потому, что новая хоровая музыка все же издавалась самими эмигрантскими издательствами [14].

На зарубежной почве возобновилась начатая до революции в России дискуссия об идеалах русской духовной музыки, о том, каковы признаки русского стиля, что есть национальная традиция и т. д. Спор между сторонниками Нового направления, превозносившими русскую старину, и последователями старой петербургской школы, ассоциируемой с западноевропейскими музыкальными влияниями, не утихал и в эмиграции¹². Дело

¹¹ Иллюстрация из неустановленного эмигрантского издания.

¹² Новое направление родилось в конце XIX века в Москве и связывалось с именами музыкантов круга Московского Синодального училища церковного пения, а также их петербургских единомышленников. Блистательно проявив себя на клиросах церквей,

Нового направления за границей было продолжено М. М. Осоргиным, М. Е. Ковалевским, архиепископом Гавриилом (Чепуром), А. А. Сваном, иеромонахом Филиппом (Гарднером), И. А. Колчиным, А. С. Ильяшенко и другими.

В тридцатые годы в Париже обсуждалась идея организации при обществе «Икона» хора, который бы специализировался на исполнении старинных роспевов. Предполагалось, что этот хор поедет на обучение к монахам старинного русского Валаамского монастыря, который после окончания Первой мировой войны оказался на территории Финляндии. Церковный музыкант мог изучить там не только звучащую старинную традицию пения, но и крюковые книги с одnogолосными церковными роспевами. Хранителями старых музыкальных роспевов были также русские старообрядцы, жившие в Прибалтике со времен Никонианской реформы. Православными духовными оазисами зарубежья являлись Свято-Успенские Псково-Печерский монастырь в Эстонии и Почаевская лавра на территории Польши.

В двадцатые-тридцатые годы музыка композиторов Нового направления на русских церковных клиросах за границей в некоторых церквях хотя и звучала, но не получила широкого распространения. Однако в арсенал концертных эмигрантских хоров творчество авторов этого направления вошло во всем его многообразии. Одним из наиболее активных его пропагандистов был гастролировавший по всему миру Хор донских казаков под управлением С. А. Жарова — выпускника Московского Синодального училища церковного пения.

У проживавших за границей авторов была практически неограниченная творческая свобода, они пробовали себя в самых разных жанрах и традициях. Вспомним многообразное религиозное творческое наследие А. Т. Гречанинова, Реквием «Таинство смерти» для большого оркестра, хора певцов, хора декламаторов, соло баритона и соло декламатора А. Г. Чеснокова (1925), духовную кантату «Хождение Богородицы по мукам (Легенда о сошествии Божией Матери во ад)» для солистов, хора и оркестра Н. Н. Черепнина (1937).

В богослужебном духовно-музыкальном искусстве за границей также была возможность для смелых опытов. Они были связаны главным образом с развитием национальных Православных Церквей. Так, во Франции в тридцатые годы начала действовать «комиссия по делам Западного Православия», образованная при православном братстве свт. Фотия в связи с переходом в православие группы католиков. Главной задачей комиссии была реконструкция чина так называемой галликанской литургии, совершавшейся на территории современной Франции с IV по VIII век. Взявшиеся за эту работу братья Е. Е. и М. Е. Ковалевские искали способы употребления в одном обряде русских напевов и григорианского хорала. После войны

где пели лучшие хоры страны, а также в концертах, Новое направление не проникло глубоко в народную жизнь, оставшись искусством наиболее технически оснащенного слоя церковных музыкантов, то есть в каком-то смысле искусством элитарным.

музыкальная деятельность М. Е. Ковалевского в лоне Православной Церкви Франции была продолжена.

По всей видимости, если бы в годы войны и после нее в диаспоры не влились потоки новых переселенцев из СССР, то по мере ассимиляции потомков пореволюционных эмигрантов ассимилировалось бы и само богослужение, и богослужебное пение. Как полагает авторитетный регент русского зарубежья, сын эмигранта «первой волны» С. О. Болдырев,

постепенно все бы перешло на национальные языки — на английский, французский и другие. Но когда переводится русская духовная музыка с церковнославянского, скажем, на английский, то она уже не звучит как славянская музыка. Появилась бы новая музыка, далекая от русской традиции — как сейчас и происходит, к примеру, в Американской Православной Церкви¹³.

Однако ход событий направил историю диаспор по другому сценарию, и наиболее традиционная их часть сохранила не только веру, русский язык и русскую культуру, но и дореволюционную богослужебную традицию.

Вместе с тем в области светского хорового искусства скромное в отношении человеческих и материальных ресурсов русское зарубежье не могло конкурировать с достижениями СССР, где была не только воссоздана, но и преумножена дореволюционная система музыкального образования, развернуто мощное самостоятельное хоровое движение, возник огромный пласт светской хоровой музыки.

Важно то, что музыканты, находившиеся по обе стороны государственной границы, сумели пронести через тернии XX века основополагающие национальные хоровые традиции, которые и легли в основу богатой русской хоровой культуры XXI столетия.

Принятые сокращения

РДМ   Русская духовная музыка в документах и материалах: в 10 т. М., Языки славянской культуры, 1998–

Использованная литература

1. Барсова И. А. Раскол русской культуры. Русские композиторы между внешней и внутренней эмиграцией («первая волна»): рукопись.
2. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви; АРЕФА, 2008. 349 с.
3. Безбожная пятилетка // Православная энциклопедия. Т. IV: Афанасий — Бессмертие. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 443–444. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77796.html> (дата обращения: 29.07.2017).

¹³ Интервью было записано нами 18 января 2017 года.

4. [Бирюков С. И.] Из пропасти забвения. Памяти протоиерея Михаила Петровича Лебедева посвящается. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravilim.zachalo.ru/iz%20propasti%20zabvenia.htm> (дата обращения: 29.07.2017).
5. Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М.: АИРО XXI, 2014. 407 с.
6. Взбунтовавшиеся «капелланы» // Жизнь искусства. 1927. №9. 1 марта. С. 1–2.
7. Виноградов В. С. Против церковщины в музыке. М.: Музгиз, 1931. 28 с.
8. Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М.: Российское общество историков-архивистов, Синодальная Комиссия по канонизации святых, 2001. С. 78–112.
9. Даниил (Сарычев), иеромонах. Воспоминания о московском церковном пении. [Электронный ресурс]. URL: http://www.seminaria.ru/chsing/dan_vosp.htm (дата обращения: 29.07.2017).
10. Декреты Советской власти: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Т. I. М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. 626 с.
11. Держановский В. В. Письмо к Б. В. Асафьеву от марта 1928 года // РДМ. Т. V: Александр Кастальский. Статьи, материалы, воспоминания, переписка / ред.-сост., автор вступ. статьи и коммент. С. Г. Зверева. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 844.
12. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994. 621 с.
13. Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 годы) (по данным на январь 2004 года). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?ans> (дата обращения: 29.07.2017).
14. Зверева С. Г. Издания духовной музыки за пределами России // Православная энциклопедия. Т. XXI: Иверская икона Божией Матери — Икиматарий. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 580–585. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/293876.html> (дата обращения: 29.07.2017).
15. Зверева С. Г. О судьбах церковно-певческого наследия в советское время // Мировая музыкальная культура в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. С. 223–241.
16. Зверева С. Г. Русский музыкальный Берлин начала 1920-х годов (по материалам эмигрантской газеты «Руль») // X Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Свиридовские чтения». XX век. Изломы русской истории и русское искусство: сб. докладов. Курск: Растр, 2015. С. 131–138.
17. Зверева С. Г. Судьбы русского хорового искусства в США в 1910–1930-е годы в общекультурном и церковном контексте // Деятели американской культуры из Российской империи. СПб.: Palace Editions, 2009. С. 213–221.
18. Иноземцева З. П., Романова С. Н. Дела по обвинению православного духовенства и мирян как исторический источник // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М.: Российское общество историков-архивистов, Специальная Комиссия по канонизации святых, 2001. С. 112–130. (Специальный выпуск «Вестника архивиста».)

19. *Кастальский А. Д.* Методика церковного и школьно-хорового пения [фрагменты] // РДМ. Т. V: Александр Кастальский. Статьи, материалы, воспоминания, переписка / ред.-сост., автор вступ. статьи и коммент. С. Г. Зверева. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 190–217.
20. *Кастальский А. Д.* Письмо к С. В. Рахманинову от 7 декабря 1923 года // РДМ. Т. V: Александр Кастальский. Статьи, материалы, воспоминания, переписка / ред.-сост., автор вступ. статьи и коммент. С. Г. Зверева. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 740–742.
21. Кино на борьбу с религией: Методический справочник для клубов, изб.-читален и общественных организаций / сост. М. Н. Кефала. М.: Союзкино, 1932. 104 с.
22. *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris: Librairie des Cinq Continents, 1970. 346 с.
23. *Кудрявцева Е. П.* Мой музыкальный век / ред. А. А. Мурин. СПб.: Береста, 2011. 464 с.
24. Московская регентско-певческая семинария. 1998–1999. Наука. История. Образование. Практика музыкального оформления богослужения: Сб. статей, воспоминаний, архивных документов / ред. А. В. Григорьева. М.: Святитель Киприан, 2000. 368 с.
25. *Никольский А. В.* Письмо к Д. С. Семенову от 22 августа 1933 года // РДМ. Т. VIII: А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Книга 1: Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского / науч. ред. С. Г. Зверева, подгот. текста, вст. ст и коммент. С. Г. Зверевой, А. В. Лебедевой-Емелиной, Н. А. Потемкиной, науч. конс. А. А. Наумов, лит. ред. М. П. Рахманова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 227–228.
26. Об упорядочении церковного пения: доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме Священному Собору // РДМ. Т. III: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников 1861–1918 / сост.: А. А. Наумов, М. П. Рахманова, вступ. ст., подгот. текста: М. П. Рахманова; Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов / вступ. ст., подгот. текста и коммент.: С. Г. Зверева. М., Языки славянской культуры, 2002. С. 874–882.
27. *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1924. Paris: YMCA-Press, 1990. 597 с.
28. Памяти Н. М. Данилина. Письма, воспоминания, документы / ред.-сост. А. А. Наумов. М.: Советский композитор, 1987. 312 с.
29. *Полтевский А. Н.* Антирелигиозная фильма: Справочно-методическое пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1930. 34 с.
30. Православная Москва в 1917–1921 годах: сб. документов и материалов / ред. А. Н. Казакевич. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 696 с.
31. *Рахманинов С. В.* Литературное наследие и переписка. Т. II: Письма / сост.-ред, автор вступ. ст., коммент., указателей З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1980. 583 с.

32. *Рахманова М. П.* «...Я не служитель религиозного культа, а член Профсоюза...». (Дело Драмсоюза) // Искусство музыки: теория и история. 2013. № 7. С. 23–46. URL: <http://sias.ru/upload/iblock/d6f/rahmanova.pdf> (дата обращения: 29.07.2017).
33. *Розова Л. К.* Великий Архидиакон. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. 79 с.
34. Русская Православная Церковь. XX век / ред. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева и др. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 800 с.
35. *Соколов А. В.* Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг. Дисс. ... докт. историч. наук. СПб, 2014.
36. Труды Московской регентско-певческой семинарии: сб. статей, воспоминаний, архивных документов. 2000–2001 / ред. А. В. Григорьева. М., 2002. 496 с.
37. Труды Московской регентско-певческой семинарии: сб. статей, воспоминаний, архивных документов. 2002–2003 / ред. А. В. Григорьева. М., 2005. 432 с.
38. *Цветкова Г. А.* «Фарисеи» и «Мытари» на службе у Советского государства: проблема осуществления власти как личного выбора человека // XVIII Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского университета. Материалы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 19–26.
39. Чистка в ГИМНе. Из писем Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову // РДМ. Т. IX: Русское православное церковное пение в XX веке: советский период. Книга 1: 1920–1930-е годы / подгот. текста, вст. ст., коммент. М. П. Рахмановой, науч. конс. А. А. Наумов. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 976–981.
40. *Шуц И. И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-Press, 1991. 325 с.
41. *Щукин Сергей, протоиерей.* Против течения. М.: Сурож, 2012. 304 с.